

Гайдар Е.Т.

ЛИБЕРАЛИЗМ: Слухи о смерти преувеличены.

Комментарий к статье Михаила Ходорковского (Ведомости, 14.04.2004)

Статья "Кризис либерализма в России", подписанная М. Ходорковским, вызвала оживленную дискуссию. Даже те, кто принял ее с восторгом, обратили внимание на банальность сказанного, на то, что все это неоднократно повторялось противниками российских либералов. Принципиальной новостью стало не содержание статьи, а авторство. А также место, где она была написана. Автор из-за решетки совершает покаяние, вершит моральный суд, благословляет и ниспровергает. Пишет о сервильности либералов, их готовности забыть про конституцию ради севрюжины с хреном.

Прочитав письмо, оказался в сложном положении. Согласиться со сказанным невозможно. Спорить с тем, что человек пишет из неволи, – по российской традиции занятие малопочтенное. Для меня с 6 апреля (когда Минюст обнародовал объяснительную записку, в которой Ходорковский говорит, что "собственноручных материалов" в газету не передавал) авторами статьи становится группа неизвестных товарищей, объединенная псевдонимом "М. Ходорковский". Впрочем, нет претензий к газете, опубликовавшей текст, подписанный Ходорковским. Текст представляет общественный интерес, кто бы ни был его автором.

Ситуация во многом трагикомическая. Одно дело – писать молоком, макая перо в чернильницу из хлебного мякиша: "Время лукавства прошло – и из каземата СИЗО N 4, где я (т. е. "группа товарищей"?) сейчас нахожусь, это видно, быть может, чуть лучше, чем из других, более комфортабельных помещений..." Другое дело – набирать этот текст в уютном кабинете. Здесь можно было бы поставить точку. Как только написанное перестает быть статьей Ходорковского, оно становится набором банальностей. Оставаясь при этом, как выражались в благородном XIX веке, "печатным доносом".

Небезынтересен строй сознания, ассоциации. Перепевы мотивов, звучавших между 1934 и 1954 гг., очевидны. Есть призывы к либералам осознать "моральную

ответственность" за дефолт. Здесь трудно не вспомнить, как в 1935 г. , пытаясь избежать расстрела, Каменев и Зиновьев признали свою "моральную ответственность" за убийство Кирова. Слова о том, что надо "оставить в прошлом космополитическое восприятие мира", навевают нечто из начала 1950-х. Призыв "Надо заставить большой бизнес поделиться с народом" напоминает булгаковское: "Сдавайте валюту! " Невнятица с тем, кто и где именно писал этот текст, показывает, что профессионализм кадров за последние десятилетия во многом утрачен. Трудно не согласиться с самокритичными словами авторского коллектива: "И, перефразируя знаменитые слова Сталина, сказанные в конце июня 1941 г., мы свое дело прос. .. ли". Где уж тут поймать Басаева!

История, как писал Маркс, повторяется. И действительно в виде фарса. Правда, опыт полутора веков, прошедших со времени написания Марксом этих строк, показал, что и фарс может быть кровавым. Именно поэтому считаю своим долгом высказаться по существу вопроса.

В картине мира, нарисованной в письме, два жестко разграниченных периода. Период, когда президент Ельцин со своими реформаторами проводил антинародную политику. И период новой власти, когда жизнь наконец стала налаживаться. Вторая эпоха рождается прекрасной, как Афродита, – и непосредственно из морской пены. К сожалению, и люди, и экономико-политические системы рождаются мучительнее.

На деле периоды российской истории неразрывно связаны. Чтобы существовала эффективная рыночная экономика, в которой доминирует частная собственность, свободные цены, конвертируемая валюта и шестой год кряду продолжается экономический рост, нужно было провести либеральные реформы на руинах советской системы. Трудно представить себе мир, в котором возможен прыжок из осени 1991 г. , когда Советский Союз обанкротился, признал себя неспособным выполнять обязательства по 100-миллиардному долгу, когда валютные резервы были равны нулю, – прямо в 1999/2000 год.

Любому трезвомыслящему человеку понятно, что структурные реформы дают позитивный результат с временным лагом. Сегодня очевидно, что экономический рывок США в 90-х гг. тесно связан с преобразованиями, проведенными за 10 лет до этого при Рейгане, – дерегулированием, налоговой реформой. Откуда убежденность, что мы в этом отношении исключение, – понять невозможно. Сколь ни различны личные качества, убеждения, приоритеты, политическая стилистика первого и второго президентов России, все же ельцинский и путинский периоды нашей истории – часть единого процесса политико-экономической трансформации.

Один из ключевых тезисов письма – вина либералов. Некоторые участники дискуссии говорят о ней, потирая руки от восторга. Поражение всегда неприятно. Не снимаю с себя ответственности за него. Но делать из нашего поражения на выборах вывод о крахе либерализма в России – неумно.

Проигранная битва – не проигранная война. Сколько раз либерализм хоронили – и после поражения ДВР на выборах 1995 г., и во время правительства Примакова. Тогда тоже было опубликовано немало покаянных текстов. Но российский либерализм, как птица Феникс, все норовит восстать из пепла. Видимо, потому, что спрос на политическую и экономическую свободу в России есть. Значит, будет и предложение.

В цикличности успехов и неудач либеральных сил Россия не уникальна. Польские демократы и либералы победили в 1989 г. и потерпели поражение в 1993-м, добились успеха в 1997 г. и опять проиграли в 2001-м. Все это, несмотря на то, что экономические реформы были успешными, а уровень жизни намного вырос. В 2001 г., после того как реформаторский "Союз свободы" не прошел в парламент, в Польше немало было написано о крахе либерализма. Через два года лидер, сформировавший правительство посткоммунистической партии, признал, что либеральному курсу нет альтернативы. Сама партия распалась. Обновленное либеральное крыло политического спектра – "Гражданский союз" – пользуется поддержкой 25 – 30% населения и имеет неплохие шансы на следующих выборах. Да, для этого польским коллегам пришлось перестроить партию, найти новых людей и другую стилистику. Кто сказал, что подобная реорганизация либеральной части политического спектра невозможна в России?

Удивляет утверждение, содержащееся в письме, что социальная стабильность только и может быть основой всякой долгосрочной реформы. От хорошей жизни никто реформы не проводит. Как правило, их начинают, когда отступать некуда, старые структуры общественного устройства теряют эффективность или просто разваливаются. Говорить о социальной стабильности как предпосылке реформ, начатых после краха социализма и банкротства СССР, могут лишь люди, формирующие миф о былом процветании. Или – хуже того – сами верящие в этот миф.

Реформы многих травмируют материально, кого-то – психологически. Одни выигрывают, другие проигрывают. При этом люди в демократическом мире склонны считать улучшение жизни своей личной заслугой, а ответственность за неудачи предпочитают возлагать на правительство. Отсюда регулярные приливы и отливы политических симпатий в периоды глубоких реформ.

Часть развернувшейся дискуссии посвящена навязшему в зубах "во всем виноват Чубайс". Я, как и Чубайс, лучше многих знаю об ошибках, которые совершал, о компромиссах, на которые вынужден был идти. Оглядываясь назад, много раз пытался взвесить цену компромисса, цену ошибок, возможные последствия альтернативных решений. Много из прошлого хотел бы поменять – и не раз писал об этом. Но каяться в чем-либо, тем более в сложившейся политической ситуации, считаю недостойным и контрпродуктивным.

До конца дней меня будут попрекать обесценившимися вкладами. Люди, потерявшие вклады, не обязаны разбираться в финансовой проблематике. Да и объяснять им все детали – занятие неблагодарное. Гораздо выгоднее указать виновного. Но кто-нибудь из авторов письма мог бы потрудиться и прочитать хотя бы два-три исследования по этой теме, вспомнить о "денежном навесе" – избыточном объеме денежной массы, порождающем дефицит в социалистической экономике. Нетрудно понять, что возможности спасения вкладов были ограничены спросом на деньги и унаследованными золотовалютными резервами, что с осени 1990 г. 16 центральных банков в республиках СССР имели возможность самостоятельно создавать ликвидность; можно поинтересоваться тем, где же на постсоветском пространстве удалось адекватно решить проблему вкладов. Выяснить, что – нигде. И лишь после этого пускаться в пафосные рассуждения о защите пенсионеров.

Могучая идея о том, что проблему решил бы выпуск государственных ценных бумаг, – продукт воспаленного воображения. В стране, объявившей себя банкротом, где доверие не только к госбумагам, но и к национальным деньгам равно нулю, новые ценные бумаги стоили бы дешевле тех листков, на которых они напечатаны. Государство еще долгие годы не могло бы их обслуживать. В подобной ситуации подавляющая часть населения за гроши избавляется от таких "филькиных грамот". Они быстро концентрируются в руках финансовых спекулянтов. Когда государственные финансы приходят в порядок, валютные резервы растут – выясняется, что вкладчики остались без сбережений, зато теперь налогоплательщики должны сотни миллиардов долларов владельцам нескольких крупных финансовых групп. Действительно, чтобы придумать такое, нужно было, говоря словами авторов письма, "пошевелить мозгами".

В России осенью 1991 г. угроза голода, подобного пережитому во время первой русской революции, была реальностью одного-двух месяцев. Я не раз подтверждал это цифрами и фактами. Благодаря реформам и запуску рыночных механизмов угроза была

отведена. И благополучно забыта. Как забыты "табачные бунты", отказ принимать павловские сторублевки, талоны на еду и многое другое из той поры.

В письме сказано: "Мы (видимо, имеется в виду "ЮКОС") действительно реанимировали раздавленное последними годами советской власти производство, создали более 2 млн высокооплачиваемых рабочих мест". Понятно, все это произошло исключительно благодаря талантам менеджмента, вне связи с либеральными реформами.

Больше всего претензий к приватизации нефтяного сектора. Понятно почему: именно здесь сложилась исключительно благоприятная конъюнктура. Несправедливо! Но напомним, что в этом секторе добыча в СССР начала падать с ноября 1988 г. при полном государственном контроле и задолго до реформ. Скоро падение стало обвальным. Только за 1991 г. добыча сократилась на 54 млн т. Сейчас в нефтяном секторе России, где доминируют частные компании, годовой прирост добычи приближается к 50 млн т.

Сегодня в России рыночная экономика, конкуренция, конвертируемая валюта, частная собственность – укоренившаяся реальность. Участники дискуссии не ставят их под сомнение. Спор идет о том, не пора ли переделить добро, благо оно заметно подорожало. Естественно, переделить в пользу народа, хотя на деле подобные попытки всегда кончаются перераспределением в пользу элиты, близкой действующей власти.

Во времена Древнего Китая после смены династии земли, принадлежащие старой элите, обычно конфисковывались, нередко под предлогом того, что необходимо передать их крестьянам, чтобы восстановить уравнительную справедливость. Чудесным образом они вскоре оказывались в руках тех, кто близок к новому режиму. Как показывает тысячелетний опыт, результатом такого тесного союза собственности и власти, когда гарантии собственника определяются его лояльностью власти, всегда было торможение экономического роста.